

ЛЕОНИД ЕНГИБАРОВ. ЛИСТКИ ИЗ БЛОКНОТА

Он сидел на террасе кафе и писал. Напротив него за другим столиком сидела девушка и сосредоточенно его разглядывала.

Он привстал к бесцеремонным взглядам. Но это - это уж чересчур...

- Почему вы меня так разглядываете? - спросил клоун, хотя заранее знал, что она ему ответит и что вообще в таких случаях говорят зрители и поклонники популярному актеру.

- Я?.. Я просто запоминаю рисунок вязки вашего свитера, - сказала девушка.

- А-а... - сказал клоун обескураженно. - Извините.

И записал в блокноте: девушка в кафе... рисунок свитера... улыбнулся и продолжал писать дальше:

"...Пантомиму "Тореадор" ... я решил переключить в клоунаду. В эстрадном варианте бык в силу условности жанра был воображаемый. В цирке же мы сделали бутафорского быка. Его играли мои партнеры. На первом же цирковом представлении, как только в финале корриды моя шпага пронзила быка, я сразу же почувствовал, что допущен серьезный просчет. Одно дело, когда я с плачем склонялся над поверженным животным, лишь условно существующим на сцене, и совсем другое - когда на опилках валялся зримый бык с торчащей между рогов стальной шпагой. Получилось грубо, натуралистично. И вовсе не смешно.

пришлось в корне переделывать номер.

В первую очередность нужно было учесть предметность реквизита. Я решил предельно заострить комедийное положение. В новом варианте бык стал очень агрессивным, а тореадор, наоборот - робким. В схватке ему с большим трудом удается вылезти из-под навалившейся на него туши. И тут тореадор-новичок обнаруживает, что насквозь проткнут шпагой. Я понял: в этот момент на моем лице не должно быть гримасы боли, а лишь смущение и досада. С грустным укором я гляжу на неуклюжее животное. А бык, уходя с манежа, виновато "пожимает плечами", как бы говоря: я здесь не при чем..."

Каждый клоун хочет, чтобы его поняли, и старается что-то рассказать о себе. И как бы ни был велик успех, он

всегда сомневается. Нет, не в зрителях, а в самом себе - все ли точно он делает. Или то, что он делает на арене, только ему самому кажется понятным со всеми нюансами, а зрители этого не видят? Едва за ним закрывался занавес, Енгибаров мучительно анализировал: что он сегодня сделал не так, где недотянул?.. Он многое понял в своей профессии. Но одно для него самого оставалось тайной - какое впечатление производит его герой на зрителей. И здесь он иногда сталкивался с неожиданностями. Он разрабатывал сюжет сценки о маленьком акробате-неудачнике, который не верил в успех, в аплодисменты, даже когда у него все стало получаться. В финале он понуро удаляется за кулисы, инспектор останавливает его, но он отрицательно качает головой: он не верит, что аплодируют ему.

Но зритель, увидев акробатические трюки Енгибарова, даже не догадался, что это - об акробате-неудачнике, он просто увидел на арене человека, безразличного к успеху, к аплодисментам. Он свое исполнил и уходит, как бы говоря: Ну зачем? Мне это совсем не надо, я думаю совсем о другом... Он как будто даже огорчился, что его акробатический выход так примитивно восприняли...

А историю про девушку и про рисунок свитера Енгибаров потом рассказывал с большим юмором. Но ему не верили. Клоун всегда мыслит как клоун, и, сидя в кафе и заметив откровенный взгляд поклонницы, он представлял себе неординарный вариант их диалога. Улыбнулся, записал эти несколько слов и продолжал писать. Он торопился рассказать о себе, как будто чувствовал, что не успеет дожидаться, когда к нему придут биографы и исследователи творчества...

"Родился я в Москве. Девять лет провел на ринге. Заповедь "ударил по правой щеке, подставь левую" считаю в корне ошибочной

Сменил множество профессий, и в двадцать два года мне оставалось только стать актером. Писать начал тогда же, поневоле. Никто из актеров не хотел со мной работать, пришлось самому стать сценаристом. Понравилось. Теперь с ужасом думаю: а вдруг явится настоящий сценарист...

Люблю: море, осень... Винсента Ван Гога...

Боясь: благополучия.

Главное для меня в жизни - чувствовать ответственность за все совершающееся вокруг нас..."

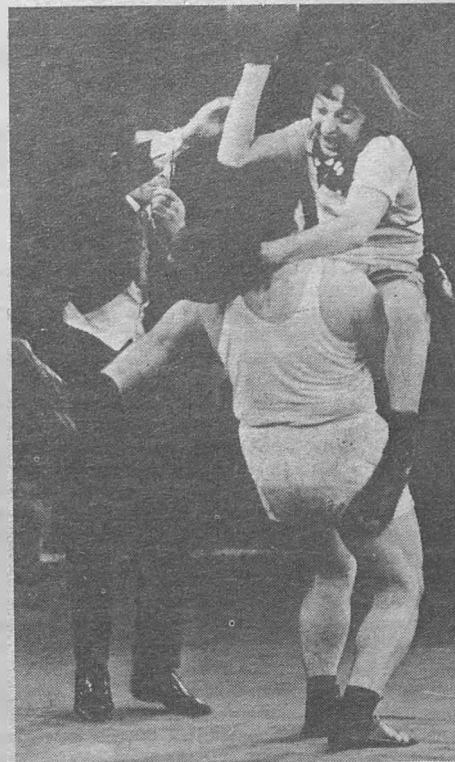
Кто бы из клоунов мог так сказать о себе - "ответственность за все совершающееся вокруг нас..."? Откликнуться на события, мгновенно выйти на арену со злободневной репризой и чувствовать себя современником, - это пожалуй, сколько угодно. А Енгибаров - он был чутким современником, но презирал быт в искусстве цирка и презирал конъюнктуру.

"Может быть, то, что я скажу, слишком субъективно, но мне кажется, что в цирке после воздушных гимнастов, которые, рискуя жизнью, легко и красиво совершают свои полеты, после канатоходцев, с их головокружительными переходами под куполом, вдруг выйти в манеж с репризой: "Я лезу вверх снимать с потолка цифры для бухгалтера-очковтирателя" - это значит убить всю сказочность, всю романтику циркового представления. Принцип "утром в газете, вечером в куплете", на мой взгляд, скорее относится к эстраде, чем к цирку. Использовать манеж для того, чтобы сказать: "Сегодня у нас в бане не было воды," - значит низводить цирковое представление до разряда рабочего заседания жэка."

В шестидесятые годы, когда Леонид Енгибаров впервые заявил о себе как о талантливым клоуне и, гастролируя в Москве, заслужил аплодисменты столичной публики, - именно в шестидесятые поэты его поколения уверенно заявили о себе. Это было поколение, детство которого опалено войной. А теперь наступила их юность и молодость. Поэтический всплеск этого поколения был очень ярким. Поэзия прошла через музыку, драматургию, живопись и клоунаду. Когда расцвела поэзия Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной, Окуджавы и других поэтов этой плеяды, Леонид Енгибаров почувствовал поэтический воздух времени и выразил поэзию времени в репризах. Все, что он делал на арене, можно записать стихами, - так о нем сказал один поэт. В нашем цирке он единственный клоун-поэт.

Поэт? А как же одна из его лучших реприз "Медали"?.. Та самая реприза, где он себя после каждого трюка награждает медалями. Достает их из кармана и вешает себе на грудь. Сначала - по одной. Потом - целыми рядами. Вся грудь и спина - в наградах. Но это еще не последняя точка. Клоун важно уходит за кулисы. Прощально приподнимает шляпу - и оттуда со звоном свешиваются медали... И эту репризу он показывал тогда, когда вся страна с чрезвычайной серьезностью наблюдала как на экране телевизора трижды именитый тезка клоуна награждал чуть ли не еженедельно медалями и орденами и звездами. Но сознание людей было еще таким несвободным, наверное, не все сумели оценить по достоинству репризу клоуна. Или понимали, но не говорили об этом вслух? Сказать вслух в те годы мог только сумасшедший или клоун. Впрочем, буквально, вслух клоун как будто ничего не сказал. Он был молчаливым на арене, хотя умел говорить и на арене, и в кино. Но не хотел.

"Меня иногда спрашивают, почему я на арене, в театре, в кино предпочитаю молчание, но разве пантомима - молчаливое искусство? Разве вы не слышите, как стонут руки Марселя Марсо, пытаясь разогнуть бесчисленные железные прутья бесчисленных клеток? Нет, мир пантомимы полон звуков и красок. Он гремит и грохочет, звонко поет и тихо шепчет слова любви... Пантомиму можно сравнивать, пожалуй, с

мультипликацией и в движущихся рисунках и в пластике мима можно показать даже то, что невозможно в кино..."

Леонид Енгибаров успел сказать самое главное о своем времени, несмотря на то, что его жизнь оборвалась так рано. Он умер в тридцать семь лет. И если есть нечто символическое в жизни и смерти клоуна, то, наверное, истина совсем не в медицинской справке, которую написал врач скорой помощи. Он был клоуном-романтиком. А быть романтиком, когда и в искусстве и в стране не все большее пространство захватывал "застой" - это просто смешно. Или это безумие, которое так или иначе должно было оборваться. А меняться клоун Леонид Енгибаров ни в жизни, ни на арене не хотел.

Только в театральном сюжете интересно пережить боль или гибель клоуна. А в жизни это непонятно и грустно, когда уходят клоуны. Уходят их маски, их шутки, их смех. Они уходят, как уходит время. Вернее, они уходят вместе с ним, хотя, конечно, полной синхронности в этом нет.

...Он стоит под зонтом, потрепанным клоунским зонтом. Идет дождь, идет снег, падают листья, а он все так же стоит в своем клоунском костюме, чуть повернув голову, отлитый из металла, совсем недалеко от Владимира Высоцкого... Впрочем, это не он. А дань нашей памяти клоуну-Мастеру. А сам он где?.. В Антимирах, о которых написал Вознесенский, и куда он ушел в своем обычном клоунском костюме, полосатой майке и брюках с одной лямкой?.. И там, обретая покой, открыл свой цирк, куда приходит все больше и больше его друзей... Может быть. А, может быть, и иначе. "Ведь вы мыслите, как же вы можете быть мертвы? Разве для того, чтобы считать себя живым, нужно непременно сидеть в подвале, имея на себе рубашку и больничные кальсоны? Это смешно!..." - так говорил Азазелло. Рукописи не горят. А люди искусства не исчезают бесследно. И, наверное, и сейчас, когда летний день клонится к закату, он непременно сидит на террасе кафе и что-то записывает в свой блокнот, почти не обращая внимания на то, как недалеко от столиков кипит страстями "толкучка". Потом, когда темнеет, клоун закрывает блокнот, и неторопливо идет к Цветному бульвару и входит в цирк. И там прождет зрительный зал, ждет, когда закончится представление, и публика разойдется. И тогда он выходит на арену, постоянно неподвижно несколько минут и начинает свой лучший спектакль. Незримый для нас...

Н.РУМЯНЦЕВА
Фото В.Панярского

130
H4